

Протоиерей Игорь Прекуп

Разделения в эстонском православии во время Великой Отечественной войны: характерные особенности и причины выбора сторон

УДК 271.2(474.2)-9"1941/1945"
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_308
EDN UUYRAJ

Аннотация: Проблематика церковного единства драматично раскрывается в истории православия в Эстонии, представленного сегодня двумя автономными церковными структурами — Московского и Константинопольского Патриархатов. В настоящей статье особое внимание уделяется мотивам церковных разделений во время Великой Отечественной войны. На примере личного выбора в отношении к Матери-Церкви антагонистов — митрополита Таллинского и всея Эстонии Александра (Паулуса), с одной стороны, и епископа Нарвского и Изборского Павла (Дмитровского) вместе с экзархом Прибалтики митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским) с другой, — мы получаем хоть и небольшой по объему, но очень веский материал для размышления об основах церковно-канонической самоидентификации в кризисной ситуации.

Ключевые слова: верность, совесть, православие, русификация, этнофилетизм, раскол, каноническая самоидентификация, автономия.

Об авторе: **Протоиерей Игорь Генрихович Прекуп**

Настоятель прихода Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата во имя прп. Сергия Радонежского в г. Палдиски (Эстония); преподаватель философии в Ласнамяэской Гимназии г. Таллина.

E-mail: igor_prekup@hotmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3360-3750>

Для цитирования: Прекуп И., прот. Разделения в эстонском православии во время Великой Отечественной войны: характерные особенности и причины выбора сторон // Христианское чтение. 2023. № 2. С. 308–322.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 06.04.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2023

Archpriest Igor Prekup

Divisions in Estonian Orthodoxy During the Great Patriotic War: Characteristics and Reasons for Joining Parties

UDK 271.2(474.2)-9"1941/1945"
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_308
EDN UUYRAJ

Abstract: The problem of church unity is dramatically revealed in the history of Orthodoxy in Estonia, now represented by two autonomous church structures, the Moscow Patriarchate and the Constantinople Patriarchate. This article focuses on the motives behind the church schisms during the Great Patriotic War. The example of the personal choice in relation to the Mother Church of the antagonists: Metropolitan Alexander (Paulus) of Tallinn and All Estonia and Bishop Pavel (Dmitrovsky) of Narva and Izborsk, on the one hand, and Metropolitan Sergius (Voskresensky) of Vilnius and Lithuania, the exarch of the Baltics, on the other, provide us with some very powerful but scarce material for reflection on the basis of church-canonical self-identification in a crisis situation.

Keywords: faithfulness, conscience, Orthodox faith, russification, ethnophileism, schism, canonical self-identification, autonomy.

About the author: **Archpriest Igor Genrikhovich Prekup**

Rector of the parish of St. Sergius of Radonezh in Paldiski, Estonia; teacher of philosophy at the Lasnamäe Gymnasium in Tallinn.

E-mail: igor_prekup@hotmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3360-3750>

For citation: Prekup I., archpriest. Divisions in Estonian Orthodoxy During the Great Patriotic War: Characteristics and Reasons for Joining Parties. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 2, pp. 308–322.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 06.04.2023.

Вводный исторический обзор

История православия в Эстонии не знает длительных периодов стабильности, не говоря уже о благополучии, которого оно и вовсе не знало никогда: изначально оно пребывало в языческом окружении, затем — под давлением католической экспансии (закончившейся в итоге полным истреблением православия среди местных жителей в XV в.); его спонтанное возрождение в середине XIX в. столкнулось с ожесточенным сопротивлением остзейского дворянства, а политика русификации, начавшаяся в 80-е гг. того же века, парадоксальным образом отразилась на положении православия в Остзейском крае: с одной стороны, политическая и экономическая поддержка православным эстонцам со стороны государства была беспрецедентной, а с другой — именно русификация вызвала внутренний протест и оттолкнула многих новообращенных от «веры русского царя», создав питательную почву для этнофилетических настроений, определивших основную проблематику истории православия в Эстонии. Так получилось, что в alexандровскую эпоху помещики уже не могли открыто, как прежде, преследовать крестьян за переход в православие, приходом стало легче добиваться отчуждения земли под строительство храмов и школ, однако в то же время не будет преувеличением сказать, что ущерб, нанесенный православиям небрежением и бестолковостью чиновников, непосредственно осуществлявших русификацию, не поддается измерению и перекрывает все положительные достижения той эпохи.

Затем последовал бурный период канонического формирования Эстонской Православной Церкви: расширение Ревельского викариатства вслед за изменением границ Эстляндской губернии в 1917 г., когда к ней была присоединена северная часть Лифляндии; рукоположение во епископа Ревельского 31 декабря 1917 г. первого архиерея-эстонца — сщмч. Платона (Кульбуша), ровно через год убитого большевиками; учреждение руководством Московского Патриархата в 1919 г. Эстонской епархии, затем, в 1920 г., — автономной Эстонской Православной Церкви, ее переход в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в 1923 г.

20 лет межвоенного периода в истории эстонского православия по скорбям и настроениям невозможно сравнить с тем, что переживало тогда же православие в Советском Союзе, но и спокойными их не назовешь: противостояние русского и эстонского сообществ, приведшее к вынужденному антиканоничному делению Эстонской Апостольско-Православной Церкви в 1924 г. (об этом ниже); конфликт на почве насильственного перевода приходов на новый стиль (с западной пасхалией); покушение властей на снос Александро-Невского собора в Таллине — все это и многое другое отнюдь не способствовало стабилизации церковной жизни.

30 марта 1941 г. по инициативе митр. Александра, исходившего (хочется верить) из соображений церковного блага, ради стабилизации и нормализации церковной жизни, состоялось возвращение эстонского православия в лоно Матери-Церкви. Однако с началом войны по его же инициативе произошел новый раскол, когда он вывел из подчинения Московскому Патриархату приходы Таллинской епархии, а Нарвская, за некоторыми исключениями, сохранила единство с Русской Православной Церковью. В 1945 г. состоялось воссоединение отколовшихся приходов, учреждение единой Эстонской епархии, после чего для нее последовал длительный период выживания под прессом атеистической власти.

В конце 1980-х гг. появилась надежда на нормализацию церковной жизни, но в начале 90-х случился новый кризис, приведший 11 августа 1993 г. к очередному расколу, учиненному небольшой группой, состоявшей поначалу из четырех клириков и одного мирянина. Раскол был поддержан сначала государственной властью, а затем и Константинопольским патриархом Варфоломеем, который, в том числе и по настоятельным просьбам светской власти, «восстановил» 20 февраля 1996 г. свою юрисдикцию в Эстонии. С тех пор на территории Эстонии действуют две автономные церковные структуры: Эстонская Православная

Церковь Московского Патриархата (далее — ЭПЦ МП) и Эстонская Апостольско-Православная Церковь (далее — ЭАПЦ) в составе Константинопольского Патриархата. Первая поначалу восемь лет пребывала в состоянии глубокого поражения в правах, не имея официальной регистрации, тогда как отколовшаяся от нее группа была незамедлительно признана регистрирующим органом правопреемницей довоенной ЭАПЦ.

Вторжение Константинопольского патриарха на каноническую территорию Московского Патриархата привело к разрыву евхаристического общения между Церквами на несколько месяцев. Однако даже после того, как 16 мая 1996 г. евхаристическое общение между Московским и Константинопольским Патриархатами было восстановлено, сослужения между клириками ЭПЦ МП и ЭАПЦ не началось, поскольку последняя не выполнила условий восстановления. Поэтому новый разрыв евхаристического общения между Патриархатами в 2019 г. ничего принципиально в отношениях между их структурами в Эстонии не изменил.

Состояние эстонского православия в 1917–1920 гг.

После февральской революции 1917 г. процесс церковно-территориальных преобразований в Остзейском крае последовал преобразованиям административно-территориальным. 30 марта 1917 г. северная часть Лифляндии была присоединена к Эстляндской губернии. Вскоре, 6–7 апреля 1917 г., в Ревеле состоялось так называемое Собрание эстонских православных деятелей (*Eesti õigeusuliste tegelaste üleüldne nõupidamine Tallinnas*), на котором в категории спешных дел было решено: «В пределах гражданского управления, где Эстония отделена от Латвии, произвести и переустройство духовного управления таким образом, чтобы все православные эстонцы вместе с Печерскими эстонцами образовали бы одну эстонскую Епархию. <...> Епископ должен быть выборный, из местных уроженцев, знающий местные языки и отнюдь не из монахов» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 1. Л. 16).

Ревельское викариатство существовало уже ранее, вначале, с 1817 г., в составе Санкт-Петербургской епархии, затем, с 1866 г., в составе Рижской епархии (после присоединения к ней в 1865 г. территории Эстляндии), но, как правило, эта кафедра была не более чем титулярной. Далеко не все Ревельские викарии хоть раз в жизни побывали в своем кафедральном городе. Но когда во епископа Ревельского, викария Рижской епархии (с поручением ее временного окормления), 31 декабря 1917 г. был рукоположен благочинный эстонских приходов Петроградской епархии прот. Павел Кульбуш (в монашеском постриге Платон), обретение самостоятельного статуса для пока еще викариальной Ревельской кафедры, ввиду поставленной вышеупомянутым собранием объединительной цели, стало лишь делом времени. С этого момента начинается процесс канонического оформления церковной структуры, носящей сегодня имя Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. (Достоин внимания, что вопрос о «защите духовных интересов» православных эстонцев из Печерского края был поставлен на вышеупомянутом собрании еще в апреле 1917 г., когда эта территория административно состояла в Псковской губернии, а канонически, соответственно, — в Псковской епархии (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 1. Л. 15–15 об.))

Благодаря самоотверженной любви и заботе сщмч. Платона православная церковная жизнь в Эстонии расцвела в самых неблагоприятных условиях. Однако архиерейское служение первого эстонского епископа было недолгим — ровно год¹. 14 января 1919 г. красные комиссары Кулль, Рятсепп и Оттер перед отступлением из Тарту расстреляли его.

¹ 31 декабря 1917 г. — день епископской хиротонии сщмч. Платона Ревельского по юлианскому календарю, что соответствует 13 января 1918 г. по григорианскому календарю, в соответствии с которым указана дата его мученической кончины: 14 января 1919 г.

Каноническое устройство церковной жизни в эстонском православии продолжил Епархиальный совет². На общем собрании православных приходов Эстонии, состоявшемся 21 марта 1919 г., был провозглашен курс на получение автокефалии. Каноническая территория Эстонской епархии была признана совпадающей с территорией эстонского государства. Как следует из Указа Патриарха Московского и всея России Тихона Епархиальному совету Эстонской Республики от 9 декабря 1919 г., ходатайство об учреждении в Эстонии самостоятельной православной епархии и хиротонии на ее кафедре прот. Александра Паулуса было рассмотрено 6–19 ноября 1919 г. в соединенном присутствии Священного Синода и Высшего церковного совета. По обсуждению было постановлено «учредить в Эстонской Республике самостоятельную Эстонскую епархию на одинаковых с прочими епархиями Российской Православной Церкви основаниях». Положительно был решен и вопрос о назначении прот. Александра Паулуса правящим архиереем новообразованной епархии (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 248. Л. 92–92 об.).

Спустя год после мученической кончины еп. Платона, в соответствии с Тартуским мирным договором, заключенным 2 февраля 1920 г. между Советской Россией и Эстонской Республикой, в состав последней была включена территория нынешнего Печорского района Псковской области (за исключением присоединенной к нему позднее, в 1958 г., части территории, упраздненного Качановского района). Это определило и дальнейшие шаги в церковной сфере.

Ради полноты объективного и всестороннего представления о процессе формирования Эстонской Православной Церкви нам необходимо сделать шаг назад в хронологическом отношении и вернуться в 1919 г.

После изгнания красных в Эстонии мало-помалу начинает налаживаться гражданская жизнь, а вот в церковной наступает кризис. События, происходившие в православной среде Эстонии в 1919–1920 гг., подробно описаны С. Г. Исаковым в статье «К истории конфликта в православной церкви Эстонии. Попытка высылки русских православных священнослужителей из страны в 1920 г.» [Исаков, 2005, 134–162]; (Аристов, 2005, 163–174). Название говорит само за себя.

Обзор этой статьи заслуживает отдельного сообщения, мы же отметим лишь несколько моментов: 1) Рижский Епархиальный совет, которому сдмч. Платон завещал руководство паствой на случай, если он окажется лишен возможности управлять ею, эстонская его часть произвольно преобразовала в отдельный вышеупомянутый Епархиальный совет, предоставив латышам организовать свой; 2) созданный 18 марта 1919 г. «Собор Апостольско-Православных приходов Эстонии» носил откровенно сепаратистский характер в отношении русских братьев (которых на территории Эстонии в период Гражданской войны за счет белоэмигрантов стало намного больше), а в его решениях хватало плохо прикрытых недоброжелательных высказываний, сопровождавших провозглашение курса на получение автокефалии; 3) не вписавшись в общий дух времени и продемонстрировав несогласие с тем, как осуществляется церковная жизнь в Эстонии, русское духовенство предприняло попытки самоорганизоваться, чтобы удержаться на верной канонической позиции, после чего отношение к нему со стороны членов Епархиального совета ухудшилось настолько, что 7 июня 1920 г. они за подписью Пауля Сеппа подали министру внутренних дел донос на русских священнослужителей (в первую очередь на эмигрантов) с требованием арестовать

² Точнее — Временный Совет Эстонской епархии (Eesti Piiskopkonna Ajutine Nõukogu). В ряде документов на русском языке Совет, по недоразумению, называется «епископским», как если бы состоял из архиереев. Эта досадная ошибка в переводе словосочетания Piiskopkonna nõukogu (piiskopkond — епархия) связана, вероятно, с несовершенным владением русским языком кем-то из Совета. Она так и повторялась в переписке Епархиального совета с высшим церковным руководством, пока Совет, по инициативе прот. Иоанна Богоявленского (будущего епископа Таллинского и Эстонского Исидора), не был решением Собора Эстонской Православной Церкви от 2 сентября 1920 г. переименован в Синод (см.: ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 260. Л. 2–2 об.).

и выслать их в Советскую Россию, прекрасно понимая, что их там ждет; 4) на основании этого документа два министра — внутренних дел и военный — подписали постановление, запустившее репрессивный процесс, и вскоре депортации в Россию подлежало уже 40 священнослужителей (выслать удалось мало кого, но, что примечательно, государство смягчилось раньше, чем члены Совета, надеявшиеся избавиться от смутьянов руками государственных чиновников); 5) если на мартовском Соборе 1919 г. русских просто игнорировали, то на сентябрьском 1920 г. понемногу стал вырисовываться диалог между эстонской и русской частями эстонского православия.

Что примечательно, события этой драматичной страницы церковной истории разворачивались параллельно процессу учреждения Московским Патриархатом независимой Эстонской епархии, а затем придания ей статуса автономной Эстонской Православной Церкви и рукоположения для нее правящего архиерея.

Состояние эстонского православия в межвоенный период

В 1920 г. Святейший Патриарх Всероссийский Тихон предоставил автономию новообразованной Эстонской Православной Церкви, из среды которой был избран прот. Александр Паулус, в конце того же года рукоположенный во епископа и возведенный на кафедру архиепископа Ревельского (с принесением соответствующей присяги на верность Московскому Патриарху и всей иерархии Русской Православной Церкви).

Атеистические гонения и церковная смута в СССР послужили поводом к тому, чтобы в 1923 г. архиеп. Александр обратился за *автокефалией* к патриарху Константинопольскому Мелетию (Метаксакису), который, однако, не дал просимой автокефалии, но лишь предоставил «Эстонской православной митрополии» соответствующим томосом *автономию* в своей юрисдикции, оправдывая в тексте этого документа свой антиканоничный шаг (принятие без отпусковой грамоты от Матери-Церкви) исключительными обстоятельствами, временно затрудняющими сообщение дочерней Церкви с Патриархом Московским.

«Эстонская православная митрополия», официально именовавшая себя «Эстонской Апостольско-Православной Церковью» (ЭАПЦ), была разделена не на три епархии (как предписывалось томосом), а на две — Таллинскую и Нарвскую. При этом деление было проведено не по территориальному признаку (как следовало бы, согласно церковным нормам), а по национальному: Таллинская епархия состояла из эстонских и смешанных приходов (туда же входили два Успенских монастыря — женский Пюхтицкий и мужской Псково-Печерский), а Нарвская — из русских приходов.

Самостоятельность Нарвской епархии была в составе Эстонской Апостольско-Православной Церкви весьма относительной. Власть Нарвского правящего архиерея была сильно ограничена и мало чем отличалась от благочиннической в Таллинской епархии, правящим архиереем которой был по положению митрополит ЭАПЦ. Лишь он мог решать кадровые и дисциплинарные вопросы, перемещать и запрещать духовенство обеих епархий, а также лишать сана. Нарвский епархиальный архиерей, согласно ст. 65 Устава ЭАПЦ 1935 г., был ограничен в канонической власти над своими клириками, которых он мог максимум увещевать, делать им замечания и выговоры, доводя об их недостойном поведении до сведения митрополита. Даже выборы членов причта Нарвской епархии — не только священника и диакона, но и псаломщика — формально осуществлялись приходом через голову епархиального архиерея с разрешения митрополита, который утверждал и/или назначал их, а затем, при необходимости, перемещал или отстранял. Нарвский епископ не то что никого рукоположить не мог по своему усмотрению, он даже псаломщика не мог назначить на приход. Номинально Нарвская епархия была самостоятельной, но реальный административно-канонический статус соответствовал, скорее, викариатству.

Положение Нарвского архиерея осложнилось еще больше после состоявшегося 30 марта 1941 г. восстановления канонического подчинения ЭАПЦ Московскому

Патриархату, чему предшествовал период непростых переговоров. Митрополит Александр (Паулус) в своем письме от 16 ноября 1940 г., адресованном Местоблюстителю Патриаршего престола митр. Сергию (Страгородскому), просил принять ЭАПЦ в юрисдикцию Русской Православной Церкви, сохранив возглавляемой им Церкви автономию, а ему и епископу Нарвскому Павлу (Дмитровскому) — кафедры (Александр Паулус, 1940, 118). Однако митр. Сергей в своем ответном письме от 13 декабря 1940 г. прямо предупредил, что возвращение возможно лишь через покаяние в расколе, автономия сохранена быть не может, поскольку вместе с утратой Эстонией государственной независимости не стало и основания для церковной автономии (хотя, на мой взгляд, тут можно было бы и поспорить), да и больно это будет «громоздко», в общем, нереально и хлопотно, тем более что в Русской Православной Церкви и без того идет повсеместное сокращение управленческих структур. «Поэтому, — пишет митр. Сергей, — лучше и не задаваться многим, а возвратиться к более скромному: Эстонская епархия. Архиепископ (или митрополит) Таллинский имеет в своем попечении всю православную паству, проживающую на территории Эстонской ССР. Под своим общим руководством он выделяет участки остальным архиереям, если такие в епархии есть, для их непосредственного архипастырского деления на общих основаниях» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 416. Л. 92–92 об.). Т. е. если до тех пор еп. Павел был, хотя и стесненно, ограниченно, чуть ли не номинально, однако все же *правлящим* архиереем, то с изменением статуса и структуры ЭАПЦ он автоматически становился *викарным*...

Мы не обнаружили в госархиве Эстонии документов, которые бы свидетельствовали о преобразовании ЭАПЦ в Эстонскую епархию в довоенный период. Вероятно, просто не успели, а может, не спешили, поскольку еще до воссоединения Латвийской и Эстонской Церквей с Русской Церковью, 24 февраля 1941 г., был учрежден Прибалтийский экзархат, в пределах которого осуществлялась каноническая реорганизация церковной жизни. Такое впечатление, что принесение покаяния и воссоединения ЭАПЦ с Русской Православной Церковью «по умолчанию» рассматривалось как вступление в силу всех предшествовавших договоренностей. Были какие-то указы, которых мы в архивах также не нашли, но они точно были. О том, что глава Прибалтийского экзархата митр. Сергей (Воскресенский) в одном из своих указов предписывал митр. Александру принять еп. Павла в качестве викария (не упоминая о Нарвской епархии), мы знаем из переписки последних (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 2629. Л. 30).

В любом случае, после довоенного воссоединения еп. Павел оказался в непонятном положении. По самосознанию русские приходы — его паства, но по условиям воссоединения его епархии больше нет... Так ведь и формальных канонических оснований считать договоренности о статусных и структурных преобразованиях вступившими в силу тоже нет!

И вот в условиях этой неопределенности он встречает новые перемены в церковной жизни, связанные уже с началом немецко-фашистской оккупации.

Трудности канонической самоидентификации

Ошибочно думать, что русским людям, особенно тем, кто проживал до начала Второй Мировой войны вне пределов СССР, было просто понять, кто «свои», и вообще определиться с отношением к двум противоборствующим тоталитарным системам — нацизму и коммунизму. Многим из тех, кто вынужден был эмигрировать из России во время Гражданской войны в надежде вернуться и освободить ее от ига большевизма, было очень трудно не воспринимать нападение Германии на СССР как возможность избавления своей родины от красных оккупантов, захвативших в ней власть 20 с небольшим лет назад. Требовалось глубокое инстинктивное неприятие гордыни, человекобожества, авторитаризма, насилия и жестокости, чтобы разглядеть в фашизме не спасение от большевизма, а такое же, если не худшее, зло. Это мы теперь, по прошествии многих лет, зная о 27 000 000 погибших с советской

стороны, о зверствах нацистов на оккупированных территориях, об истреблении ими психически больных, о геноциде евреев и цыган, о планах уничтожения и порабощения славян и т. д., понимаем, что сотрудничество с фашизмом — преступление. Да и то, как показывает жизнь, мы далеко не всегда способны распознать его в современных версиях.

Говорят, нельзя судить об исторических событиях по их прошествии, не будучи их участником и т. д. Наоборот, великое видится на расстоянии! Это находясь *внутри* эпохальных событий зачастую очень сложно понять, что происходит, и определиться с позицией. Тут и субъективность восприятия, и недостаток объективной информации, и избыток пропаганды, и многое другое. А по прошествии времени, когда и плоды видны, и информации с разных сторон к размышлению побольше, очень даже можно делать выводы и давать оценки.

Мы не знаем, посещали ли владыку Павла сомнения по поводу целесообразности подчинения священноначалию Московского Патриархата, учитывая его тесное сотрудничество с богоборческой властью, успевшей развернуть в Эстонии репрессии, которые коснулись в первую очередь белоэмигрантов, что должно было восприниматься владыкой особенно остро. Да и личное общение с экзархом, его «новомосковский» тип мышления, авторитарный стиль поведения и, мягко говоря, бестактная манера обличения неправды отпадения от Матери-Церкви [Palli, Parathomas, 2002, 186–195; Петров, 2021, 367] не могли быть безразличны еп. Павлу, воспитанному в другое время и в другом духе. И нам неизвестно, насколько он, хотя бы поначалу, сочувствовал настроениям тех русских людей, которые, устав от многолетнего давления руководства ЭАПЦ, в частности, при навязывании нового стиля, поначалу более чем оптимистично отнеслись к советской власти, казавшейся им русской, своей, родной (это, в основном, было характерно для печерян), ожидая от нее, по-видимому, более благожелательного отношения к своим религиозным чувствам, в чем скоро им пришлось горько разочароваться.

Нам неизвестно также, насколько ему был знаком весь спектр мнений о начавшейся 22 июня 1942 г. нацистской спецоперации по «декоммунизации» СССР (именно в таком духе преподносилось геббельсовской пропагандой нападение фашистской Германии на Советский Союз). Во всяком случае, у нас нет оснований считать, что он не был знаком с публичными высказываниями известных представителей русского зарубежья, видевших в Гитлере освободителя от поработивших Россию большевиков. Приведем, к примеру, отрывок из статьи «Близок час» яркого представителя русского зарубежья иером. (впоследствии архиепископа Сан-Францисского) Иоанна (Шаховского), опубликованной 29 июня 1941 г. в газете «Новое слово»: «Кровь, начавшая проливаться на русских полях с 22 июня 1941 г., есть кровь, льющаяся вместо крови многих и многих тысяч русских людей, которые будут скоро выпущены из всех тюрем, застенков и концлагерей Советской России. Одно это уже исполняет сердце радостью. Лучшие русские люди будут скоро отданы России, лучшие пастыри будут отданы Церкви... Промысел избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить свое предназначение. Кровавая операция свержения III Интернационала поручается искусному и опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен, — не зазорно... Мученики веры Христовой, и мученики любви к ближнему, и мученики правды человеческой выйдут из своих застенков... Откроются оскверненные храмы и освятятся молитвой. Священники, родители и педагоги будут вновь открыто учить детей истине Евангелия... Это будет та „пасха среди лета“, о которой 100 лет тому назад, в прозрении радостного духа, пророчествовал великий святой Русской земли, преподобный Серафим Саровский. Лето пришло, близка русская Пасха» [Иоанн Шаховской, 1998, 81–82]. В то время, непосредственно после первой волны репрессий в Эстонии, это должно было убедительно звучать.

В том же духе было выдержано и обращение митр. Сергия (Воскресенского) от 5 июля 1941 г.: «Пробил грозный час нелицеприятного Божия суда, и мы с Вами

являемся свидетелями Его великой милости к народу Своему, милости избавления нас и братьев наших от растлевающей лжи века сего — ненавистного всему человечеству порабощения личности, от большевизма. <...> Наш долг теперь всеми силами своего свободного существа, искренностью своего гражданского долга оказать всяческое содействие и помощь нашей Освободительнице в деле освобождения не только одной шестой части мира, но всего культурного человечества от гнояника безбожного коммунизма, дабы не вдохнули люди растлевающей заразы зверя и его лжепророков» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 427. Л. 6).

Если выступление иером. Иоанна воспринималось, как вполне закономерное, учитывая его тогдашние политические симпатии (во время Гражданской войны в Испании он окормлял добровольческую русскую роту, воевавшую в войсках генерала Франко), то в искренность митр. Сергия (Воскресенского) трудно было поверить. Все хорошо помнили развернутую им чуть ли не вчера рекламную кампанию якобы свободной церковной жизни в СССР.

Принципиально иной позиции придерживался местоблюститель патриаршего престола митр. Сергей (Страгородский), писавший в своем «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» от 22 июня 1941 г.: «Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. <...> Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христова: „Больши сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положит за други своя“. Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушно не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно „ради Иисуса, а не ради хлеба куса“, как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой» (Сергий Страгородский, 22.06.1941).

Как мы видим, христианское осмысление происходящего у всех троих тесно переплетается с политическими позициями, причем у каждого это довольно органично получается. Особенно заслуживают внимания позиции двух иерархов Русской Православной Церкви, двух владык Сергиев. Оставаясь в одной Поместной Церкви, они, по меньшей мере на словах, придерживаются взаимоисключающих взглядов на вторжение Германии в СССР. Но при этом остаются в одной Церкви. И это *нормально*.

Возобновление раскола в эстонском православии

Однако у митр. Александра на этот счет было иное мнение. Как только Эстония оказалась под оккупацией Германии, он попытался выйти из Московского Патриархата и восстановить ЭАПЦ в прежнем статусе (в чем, конечно же, получил поддержку местных оккупационных властей).

Как бы не замечая курса, взятого митр. Александром, экзарх Прибалтики, оставшийся в Риге и проведший какое-то время в заключении, но в итоге отпущенный на свободу оккупационными властями, пишет ему 16 сентября 1941 г. письмо в дружелюбном, располагающем к сотрудничеству тоне, одновременно информируя его и о нестроениях в Печерском крае, и о принятых им мерах (прозрачно намекнув, что не хотелось власти в это втягивать, хотя мог бы), а также о том, что Экзархат продолжает действовать, и связанные с этим формальности — лишь дело времени (ЭИА.

Ф. 1655. Оп. 3. Д. 427. Л. 13–16). Ответного письма мы в архиве не обнаружили. Вероятно, его и не было.

И вот, 14 октября 1941 г. митр. Александр уже пишет в своем циркуляре: «Со стороны Властей я признан единственным ответственным главою Эстонской Православной Церкви... <...> Священнослужителям, членам причта, деятелям приходским или прихожанам, не исполнившим моих распоряжений и тем нарушившим церковную дисциплину и порядок, придется иметь дело с Властями» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 2629. Л. 18–18 об.). Вот так просто. Иными словами, «аще же моих распоряжений не послушает, повеждь Гестапо». Такое вот — взвешенное, обдуманное, выдаваемое за норму церковных отношений — архипастырское предписание. И это сигнал. Всем, в т. ч. и еп. Павлу.

Будучи хотя и наделенным полнотой апостольской благодати, но в административно-каноническом отношении всего лишь помощником митрополита, полностью зависимым от него, владыка Павел с самого начала немецко-фашистской оккупации занял твердую позицию верности Матери-Церкви, оставаясь в подчинении экзарху. Убедая духовенство и мирян Эстонской епархии хранить верность Московскому Патриархату, он, будучи викарием митр. Александра, вел себя как правящий архипастырь, не имея на это формально никаких прав. На это противоречие митр. Александр указал ему в письме от 30 июня 1942 г., предлагая определиться: или он заявляет о себе как «Нарвский Епархиальный Архиерей», признавая, таким образом, ЭАПЦ восстановленной в своем статусе и структуре, и тогда он должен подчиняться ее Уставу и исполнять распоряжения ее митрополита, или же он не признает ЭАПЦ, но тогда уже не может позиционировать себя в качестве Нарвского правящего архиерея, поскольку в указах экзарха ни о какой Нарвской епархии речи не было, а о нем, как уже упоминалось выше, было сказано: «принять его в качестве викарного епископа».

Упрекая еп. Павла в провоцировании смуты, митр. Александр акцентировал внимание на неприемлемости нахождения в каноническом подчинении патриаршего местоблюстителя, «действующего во всем по указке безбожных большевицких властей, молящегося за них и желающего им благословения Божия и победы над „фашиствующими разбойниками“ — германцами» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 2629. Л. 30). Вроде бы вполне логично.

Однако у владыки Павла оказался иной ум, зрящий в корень. В его письме прот. Иоанну Богоявленскому от 2 июня 1942 г. есть такие слова: «Не вижу никаких оснований порывать связь с Русской Церковью, и никто из нас не имеет права даже ставить такой вопрос. <...> Церковь-мученица пред всем миром засвидетельствовала свою преданность Христу, а мы здесь решаем вопрос, согласиться ли нам быть ее членами! По справедливости, мы должны поставить другой вопрос: достойны ли мы быть членами этой Церкви?» (Дмитровский, 2010, 141–142).

Митрополит Александр, к сожалению, видимо, не захотел услышать своего брата и не нашел ничего лучшего, чем, притянув за уши п. 14 ст. 11 Устава ЭАПЦ 1935 г., уволить его от управления Нарвской епархией и запретить служить на территории ЭАПЦ (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 199). Разумеется, это не могло повлиять на владыку Павла.

Что же касается митр. Сергия (Воскресенского), то его не смутили дипломатические успехи митр. Александра. Он стал работать с властями более высокого уровня и в итоге добился-таки того, что 20 августа 1942 г. Прибалтийский экзархат был зарегистрирован. Затем рейхскомиссар Лозе, как пишет М. В. Шкаровский, «25 августа и 26 октября отправил в Таллин инструкции, в которых указывалось, что духовенству и приходам дается свобода выбора — войти ли в эстонскую епархию митрополита Александра или русскую епископа Павла. Выбор этот должен происходить без всякого давления, хотя *целям германской политики более отвечает регистрация православных приходов в экзархате* (выделено мною. — прот. И. П.). Было решено, что митрополит Александр должен именоваться Ревельским, а не Эстонским, так

как митрополитом всех прибалтийских генерал-бецирков является Сергей» [Шкаровский, 2021, 395].

28 октября 1942 г. Ревельский генералкомиссар направил митр. Александру письмо, в котором указывалось, что подчиняющаяся ему структура должна официально называться не Церковью, а митрополией, и выражалась просьба временно воздержаться от общения с Константинопольским Патриархатом (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 431. Л. 228).

Из доступных нам документов не совсем ясно, была ли вообще Нарвская епархия зарегистрирована, или этого удостоился только экзархат. В циркулярном письме за подписью начальника личной канцелярии экзарха проф. И. Гримма от 25 ноября 1942 г. сказано о регистрации Нарвской епархии Ревельским генералкомиссаром (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 431. Л. 278), однако в письме последнего еп. Павлу сообщается, что заявление на регистрацию епархии он только *принял к сведению* и не требует «пока никаких дальнейших сведений и разъяснений» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 185).

Но для владыки Павла, по всей вероятности, эти формальности не имели никакого значения по сравнению с тем, сколь шатким и опасным было его положение до регистрации Прибалтийского экзархата и вышеупомянутых распоряжений о свободном юрисдикционном самоопределении приходов.

В любом случае, отсутствие в Прибалтийском экзархате Нарвской епархии, на которое обратил внимание митр. Александр, было исправлено хотя бы в каноническом, если не в формально-юридическом плане. А вот проблема канонического единства и оснований для разрыва — осталась.

Раскол при политическом согласии

Было бы неверно так себе представлять ситуацию, что все русское духовенство прониклось пламенными призывами владыки Павла и последовало за ним. Некоторые русские священнослужители категорически были с ним не согласны и просили митр. Александра принять их под свой омофор. Прощения поступили также от Нарвского Свято-Владимирского братства, Нарвской Иверской женской трудовой общины и от Пюхтицкого Успенского женского монастыря (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 84–84 об., 85, 125, 159, 172–173). Аргументация знакомая: «В то время, когда все гражданские установления в Эстонии, благодаря доблестной немецкой армии, освободились от всякой связи с коммунистической властью, — наши церковные учреждения и нас, служителей Церкви, без нашего ведома, заставляют подчиняться представителю той церковной власти, которая в июне месяце прошлого года призывала русский верующий народ бороться против Германии, за безбожную и кровавую власть» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 85).

Достоинно внимания, что еп. Павел придерживался принципиально иного взгляда на каноническое подчинение Русской Православной Церкви, притом что разделял отношение своего оппонента к Посланию митр. Сергия (Страгородского) от 22 июня 1941 г. Донесение священника Нарвского Преображенского собора Владимира Благовещенского митр. Александру (Паулусу) содержит копии Заявления Епископского совещания, состоявшегося в Риге 31 июля 1942 г., и сопроводительного письма еп. Павла (Дмитровского) от 18 августа 1942 г. соборному причту и правлению. Взывая к их «православно-русскому сознанию и голосу... совести», владыка Павел, в частности, пишет (орфография и выделения в тексте указанной копии, вероятно, принадлежащие свящ. Владимиру Благовещенскому, сохранены): «Вменяемое Его Блаженству, Митрополиту Сергию послание от 22 июня 1941 г. Еписк. Совещание в Риге характеризует, как безграмотное. Оно действительно является таковым, т.к. в нем вождь рус. армии Димитрий Донской причислен к лику святых, оно скреплено подписью „За секретаря“, когда послания вообще, как документы принадлежащие лично Патриарху/?, а не канцелярии, никакими секретарями не подписываются, да, кроме того, в Рус. Патриархии/?/ секретаря и совсем нет, а есть

Управляющий делами. Не ясно-ли, что это „послание“ не документ Патриарха/?, а большевитская фальсификация. Но, возможно, что Митрополит Местоблюститель, ради сохранения жизни еще оставшихся священно-служителей, вынужден был написать это „послание“. Кто же, знаящий и чувствующий жуткую действительность советской жизни, может его за это осудить. Если архипастыри и пастыри великой Страдалицы-Русской Церкви вынуждены идти тот или иной политический компромисс, то не нам, испытывающим боязнь там, „идеже не бе страх“, — их судить. Кто дал нам право такого суда? <...> Нет, отцы и братия, не нам судить нашу родную Мать. Мы соединились не с тем или иным представителем Русской Церкви, а с Церковью, как таковою; с Церковью, которая так много пережила на своем 1000летнем историческом пути, с Церковью великих подвижников, святителей, мучеников, преподобных, с Церковью, которая кровью своих верных сынов за последние годы особенно засвидетельствовала свою преданность Христу.

Если современные представители этой Церкви в чем либо виноваты их осудит законный суд, а наш долг в этот великий исторический момент открыто и ясно засвидетельствовать свою преданность родной Церкви» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 146–146 об.).

Однако надежды владыки Павла на «православно-русское сознание и совесть» своих чад не оправдались. Причем простым неповиновением дело не ограничилось. Протоиерей Павел Калинин, посмеявшийся, будучи запрещенным в священнослужении, священнодействовать, опустился до низкого хамства, когда, в ответ на предупреждение владыки Павла о лишении сана в случае повторного нарушения прещения, заявил: «Мне с вами разговаривать не о чем, с вас раньше снимут сан, чем с меня» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 163).

Митр. Сергей (Воскресенский) пытался вразумить митр. Александра, неоднократно приглашал его на архиерейские совещания, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Но митр. Александр игнорировал приглашения и продолжал держаться избранной им с начала войны стратегии. 12 октября 1942 г. митр. Сергей пишет митр. Александру письмо, в котором обличает собрата и призывает вернуться из повторного раскола. «Вы оправдываете новую схизму, — пишет Экзарх, — последними политическими деяниями Блаженнейшего Митрополита Сергея. С нашей оценкой его выступлений от 22 июня Вы могли познакомиться, если интересовались, из прессы. *Нам нужно ждать Соборного Суда над ним, а самим оставаться в ограде страждущей Церкви* (выделено мною. — *прот. И. П.*)» (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 431. Л. 252–253).

Прошу обратить внимание: оппоненты сходятся в отрицательной оценке позиции патриаршего местоблюстителя, но принципиально расходятся в своих выводах. Митрополит Александр и его сторонники ставят свое пребывание в единстве с Матерью-Церковью в зависимость от политической позиции митр. Сергея (Страгородского) и от сказанных им слов, перенося ответственность и вину на всю Русскую Церковь. Митрополит Сергей (Воскресенский), еп. Павел и иже с ними, *заявляя о своем несогласии с местоблюстителем*, проводят четкий водораздел между заблуждающейся личностью, даже если речь о Предстоятеле Поместной Церкви или его заместителе, и самой Церковью, которая *несводима ни к каким органам своего управления*.

Разумеется, стремление митр. Александра дистанцироваться от Московского Патриархата было обусловлено еще рядом других причин, возможно — слишком «человеческих», однако ключевую роль играли не они, а какое-то глубинное искажение понимания природы Церкви.

После очередного проигнорированного приглашения явиться на архиерейское совещание 2 ноября 1942 г., на основании общего решения архиереев экзархата (за исключением архиеп. Николая (Лейсмана), приглашенного, хотя он и находился на покое, но отказавшегося приехать и впоследствии не поддержавшего решений совещания), 5 ноября 1942 г. митр. Сергей (Воскресенский) издал указ об увольнении митр. Александра от управления Эстонской епархией и о его запрещении в священнослужении (ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 431. Л. 270–273).

Заключение

При поверхностном взгляде может показаться, что отношение владыки Павла к церковным вопросам обусловлено его национальным чувством и он тянется к Русской Церкви, потому что сам русский. Но такое мнение безосновательно. Родину любили и тосковали по ней многие другие вынужденные эмигранты, например принадлежавшие к РПЦЗ и считавшие Московский Патриархат продавшимся большевикам, безблагодатным и т.п. Или те же священнослужители и миряне, которые отошли от еп. Павла и прилепились к митр. Александру, — мы не можем утверждать, что они не любили свой народ.

Причина способности владыки Павла в вопросах духовных руководствоваться лишь духовными мотивами, не позволяя влиять на свой выбор никаким примесям, в т.ч. политическим поветриям, состоит в искреннем исповедании Христовой веры, в жизни во Христе, по совести, просвещенной Евангелием, в незамутненности духовного чутья.

К сожалению, его твердость и последовательность в верности Богу, Церкви и своей совести не были оценены по достоинству. Как пишет И. В. Петров, архиеп. Павел, «приехав в Москву на Поместный Собор 1945 г., получил слишком много вопросов от священноначалия по поводу своего поведения в период войны, в частности благодарственных адресов в адрес Гитлера и немецких властей (на приветственную телеграмму Гитлеру, посланную 23.07.1942 г. собравшимися на совещание архиереями Прибалтийского экзархата, священноначалие РПЦ отреагировало еще 22.09.1942 г. как на «услужение фашизму», потребовав объяснения и исправления (Определение). — *prot. И. П.*). Вернувшись в Эстонию в весьма подавленном состоянии, владыка Павел не смог оправиться от столь критичного восприятия московскими церковными властями своей позиции во время военной оккупации и вскоре умер, пробыв совсем непродолжительное время архиепископом Таллинским и Эстонским» [Петров, 2021, 384]. Нет оснований считать, что он испугался закономерных для того времени последствий. Не страх, а боль — боль огорчения, горечь оскорбленного чувства, оскорбленной любви: любви, страдающей от невыносимого стыда за тех, кого любишь, — вот, что, вероятно, его подкосило.

Источники и литература

Источники

1. ЭИА — Эстонский исторический архив (Eesti Ajalooarhiiv), Тарту.
ЭИА. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 2629. Л. 18–18 об.: Циркуляр митр. Александра (Паулуса) от 14.10.1941 г.
ЭИА. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 2629. Л. 30–31: Письмо митр. Александра еп. Павлу от 30.06.1942 г.
ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–28: Совещание эстонских православных деятелей в г. Ревеле 6–7 апр. 1917 года.
ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 248. Л. 92–92 об.: Указ Патриарха Московского и всея России Тихона Епархиальному Совету Эстонской Республики от 09.12.1919 г.
ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 260. Л. 2–2 об.: Выписка из Протокола № 2 Собора Эстонской Апостольско-Православной Церкви от 02.09.1920 г. о переименовании Епархиального Совета в Синод.
ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 416. Л. 91–92 об.: Письмо митр. Сергия (Страгородского) митр. Александру (Паулусу) от 13.12.1940 г.
ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 427. Л. 6: Обращение митр. Сергия (Воскресенского) от 05.07.1941 г. ко всем верным чадам св. Православной Церкви Латвии, Литвы и Эстонии.

- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 427. Л. 13–16: Письмо митр. Сергия (Воскресенского) митр. Александру (Паулусу) от 16.09.1941 г.
- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 84–84 об., 85, 125, 159, 172–173: Обращения к митр. Александру (Паулусу) о желании пребывать в его окормлении.
- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 146–146 об.: Донесение священника Нарвского Преображенского собора Владимира Благовещенского митр. Александру (Паулусу) от 22.08.1942 г.
- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 163–164 об.: Письмо еп. Павла (Дмитровского) митр. Александру (Паулусу) от 19.10.1942 г.
- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 185–185 об.: Копия циркуляра еп. Павла (Дмитровского) от 24.11.1942 г. благочинному Принаровского округа прот. Владимиру Преображенскому, содержащего текст письма Ревельского Генералкомиссара еп. Павлу (Дмитровскому) от 10.11.1942 г. о принятии к сведению заявления на регистрацию Нарвской епархии.
- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 199: Проект указа митр. Александра (Паулуса) об увольнении еп. Павла (Дмитровского) от управления Нарвской епархией.
- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 431. Л. 228: Письмо Ревельского Генералкомиссара митр. Александру (Паулусу) от 28.10.1942 г. о названии его церковной структуры и о воздержании от общения с Константинополем.
- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 431. Л. 251–254: Письмо митр. Сергия (Воскресенского) митр. Александру (Паулусу) от 12.10.1942 г.
- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 431. Л. 270–273: Указ митр. Сергия (Воскресенского) от 05.11.1942 г. о запрещении в священнослужении митр. Александра (Паулуса) и о его увольнении от управления Эстляндской епархией, подписанный, кроме Экзарха, еще тремя архиереями Прибалтийского экзархата: архиеп. Иаковом Митавским, еп. Павлом Нарвским и еп. Даниилом Ковенским.
- ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 431. Л. 278: Циркулярное письмо от 25.11.1942 г. о регистрации Православного Экзархата Прибалтики и Нарвской епархии
2. Александр Паурус (1940) — Письмо митр. Александра (Паулуса) митр. Сергию (Страгородскому) от 16.11.1940 г. // *Православие в Эстонии* / Ред. прот. Н. Балашов, С. Л. Кравец. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 2. С. 117–119.
3. Аристов (2005) — Докладная записка ревельского благочинного А. П. Аристова министру исповеданий Северо-западного правительства (1919 г.) / Публ. и коммент. С. Г. Исакова // *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике*. [Т.] IX. Вильнюс: Русские творческие ресурсы Балтии; Изд-во Вильнюсского ун-та, 2005. С. 163–174.
4. Дмитриевский (2010) — Письмо еп. Павла (Дмитровского) прот. Иоанну Богоявленскому от 02.06.1942 г. // *Православие в Эстонии. Исследования и документы* / Ред. прот. Н. Балашов, С. Л. Кравец. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 2. С. 141–142.
5. Определение — Определение № 27 от 22 сентября 1942 года Патриаршего Местоблюстителя, главы Православной Церкви в СССР Сергия, митрополита Московского и Коломенского по делу митрополита Сергия Воскресенского с другими // *Седмица.RU*. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439925/> (дата обращения: 24.02.2023).
6. Сергей Страгородский (22.06.1941) — *Сергий (Страгородский), митр.* «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» от 22.06.1941 г. // *Православие.Ru*. URL: <https://pravoslavie.ru/35145.html> (дата обращения: 26.02.2023).
7. Устав ЭАПЦ (1935) — Устав Эстонской Ап. Православной Церкви. Таллин: Издание Нарвского Епархиального Совета, 1935.

Литература

8. Иоанн Шаховской (1998) — *Иоанн (Шаховской), иером.* Близок час // *Церковно-исторический вестник*. 1998. № 1. С. 81–82.
9. Исаков (2005) — *Исаков С. Г.* К истории конфликта в православной церкви Эстонии. Попытка высылки русских православных священнослужителей из страны в 1920 г. // *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике*. [Т.] IX. Вильнюс: Русские творческие ресурсы Балтии; Изд-во Вильнюсского ун-та, 2005. С. 134–162.

10. Петров (2021) — *Петров И. В.* Воссоединение ЭАПЦ с РПЦ в 1941 г.: покаянное возвращение в лоно Матери-Церкви? // Эстонская Православная Церковь: 100 лет автономии [Сб. мат. одноименной конференции (Таллин, 26–27 ноября 2020 г.)] / Ред. прот. И. Прекуп. Таллин, 2021. С. 360–386.

11. Шкаровский (2021) — *Шкаровский М. В.* Эстонская Православная Церковь в период Великой Отечественной войны // Эстонская Православная Церковь: 100 лет автономии [Сб. мат. одноименной конференции (Таллин, 26–27 ноября 2020 г.)] / Ред. прот. И. Прекуп. Таллин, 2021. С. 387–406.

12. Palli, Papathomas (2002) — *Alexander (Paulus), metropolitan.* The truth about Archbishop Sergius. An NKVD undermining Estonian church life (1943/1950) // *Palli M. H., Papathomas G. D.* The Autonomous Orthodox Church of Estonia. L'Eglise autonome orthodoxe d' Estonie. Approche historique et nomocanonique. Thessaloniki: Editions Pektasis, 2002. P. 186–195.